

Г Л А В А VIII.
ВЪ ПРИДОНСКИХЪ СТЕПЯХЪ,
НА СТРАЖЪ ЮЖНЫХЪ ГРАНИЦЪ РОССИИ.
(1731—1735 г. г.)

Отъ береговъ Дняпра, въ среднемъ его теченіи, постепенно уклоняясь къ юго-востоку, пересѣкая низовья Дона, и направляясь къ Каспійскому морю, къ устьямъ р. Терека, пролегла по необозримымъ черноморскимъ, придонскимъ и приволжскимъ степямъ южная граница Россійской Имперіи. Безъ опредѣленной, твердо намѣченной черты, теряясь въ степныхъ равнинахъ, граница эта, на всемъ своемъ огромномъ протяженіи, представляла открытые для вторженія въ сердць Россіи ворота, кочующимъ, степнымъ обитателямъ: крымскимъ и нагайскимъ татарамъ, калмыкамъ и черкесамъ. Уже съ давнихъ временъ, правительство, наученное рядомъ горькихъ опытовъ, принимало мѣры для обезопасенія южныхъ границъ. На извѣстныхъ путяхъ строились острожки, пустынные мѣста заселялись коренными русскими переселенцами. Такъ возникло казачество. Туда, на югъ, въ привольныя степи, на широкой просторъ, къ низовьямъ Волги и Дона, со всѣхъ сторонъ стекались удалыцы. Шель тотъ, чья могучая, огненная натура создава была только для тревогъ и опасностей, искала ихъ, и въ нихъ находила удовлетвореніе; шли люди, уходившіе отъ житейскихъ невзгодъ, недовольные и преслѣдуемые правительствомъ: раскольники, бѣглецы крестьяне и, наконецъ, преступники, спасавшіеся передъ грознымъ призракомъ карающаго закона. Тамъ всѣ находили пріютъ; всѣ принимались радушно. Создался надежный, живой оплотъ противъ внѣшнихъ враговъ. Но могъ ли онъ быть

названъ такимъ во внутренней мирной жизни Россіи? Безпокойный, буйный элементъ, составляющій казачество, причинялъ и мало хлопотъ Россіи. Выслѣживаніе и погоня за хищными кримицами и калмыками не рѣдко смѣнялись у казаковъ разбоемъ и грабежемъ русскихъ же торговыхъ обозовъ по Волгѣ и Дону. Враги правительства пользовались тамъ не малымъ вліяніемъ, а всякое желаніе ограничить, принять въ руки буйную вольницу встрѣчалось съ энергичнымъ отпоромъ. Не много надо было, чтобы произвести взрывъ, чтобы пламя бунта объяло весь югъ и поволожье. Слишкомъ уже много накопилось горючаго матеріала а за причинами не приходилось стать.

Въ моментъ движенія Рязанскаго полка на южную окраину, степи представляли зловѣщую, полную готовящихся неожиданностей картину. На Дону шелъ старый, незаконченный еще съ 1695 г., но жизненный для казачества вопросъ—о выдачѣ бѣглыхъ. По Дону и другимъ запольнымъ рѣчкамъ, въ глухихъ станицахъ, буйно толковали въ казачьихъ кругахъ о невозможности выполнить требованія правительства, предпочитая даже уйти на Кубань. Крымская, Бѣлгородская и Нагайская орды, въ соединеніи съ Запорожцами изъ Сѣчи, готовились къ походу—кто говорилъ, что на Кабарду, кто указывалъ иныя мѣста; въ довершеніе всего, калмыцкія междуусобія, изъ за правъ наслѣдованія ханствомъ, заставили Россію вмѣшаться въ споръ и принять сторону миролюбиваго претендента, Царень-Дондука, противъ любимца народа, но отъявленнаго головорѣза и хитраго азіята, Дондукъ-Омбо.

Такова была обстановка, когда Рязанцы, поздней весною 1730 года, появились въ придонскихъ степяхъ, среди буйнаго казачества. На берегу Дона, при впаденіи въ него рѣчки Васильевки, расположился въ „трапѣментѣ“ походный станъ Рязанскаго полка. Зорко слѣдя за всѣмъ, что происходитъ въ ближнихъ городкахъ—станицахъ, въ постоянной готовности стать лицомъ къ опасности, откуда бы она не появилась—съ татарской ли, или съ калмыцкой сторонъ, проводилъ полкъ томительно длинные, зимніе дни. Не легко было это въ пустынной странѣ; недружелюбно, съ первыхъ же шаговъ, встрѣтила она Рязанцевъ. Полковая жизнь, какъ то сразу, вышла изъ обычныхъ рамокъ. Здѣсь

не было мѣста системѣ; здѣсь, что ни день, то суровая дѣйствительность постоянно напоминала о себѣ, заставляла, примѣняясь къ ней, и служить, и жить, и поступать вовсе не такъ, какъ было привыкли въ дни мирнаго квартированія на сѣверѣ, и даже въ заброшенной Епифани. А тутъ, вскорѣ, пришлось разстаться и съ своимъ командиромъ, полковникомъ Борисовымъ.

Какъ извѣстно, командировки отъ полка въ переидскія провинціи существовали уже давно, но онѣ были случайныя, по мѣрѣ надобности, и не подлежали точно опредѣленному законоположенію. Оформить ихъ, было крайне необходимо. Офицеры Низоваго корпуса, находясь въ далекихъ странахъ, на маленькомъ жалованіи, при существовавшей тамъ неслыханной дороговизнѣ, приходили въ крайнюю нищету, „несносию такую, что уже одинъ маіоръ и три капитана съ ума сбредли,“ доносилъ князь Вас. Влад. Долгорукій. Офицерство закладывало шарфы свои и знаки, а при убійственномъ климатѣ, въ постоянныхъ партіяхъ, караулахъ и работахъ окончательно пропадало. „Или къ жалованію прибавку учинить,“ говорилъ князь, „или же офицерамъ съ перемѣною быть.“¹ Дѣло это долго не получало рѣшенія. Прибавить жалованіе не позволяли разстроенные финансы, а законъ о перемѣщеніяхъ появился только въ мартѣ 1729 года. Офицеровъ Низоваго корпуса съ тѣхъ поръ повелѣвалось перемѣнять черезъ каждые три года, по трети отъ полка,² причемъ, самая перемѣна производилась въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ царицынской укрѣпленной линіи офицеры отправлялись на смѣну въ переидскія провинціи, а оттуда шли въ полки, расположенные близъ Москвы или же, по желанію, въ дома; на царицынскую линію брались офицеры отъ полковъ, которые были ближе къ этой линіи.³ Кромѣ обязательныхъ переводовъ допускалось также мѣняться другъ съ другомъ, за условленную денежную плату.⁴ Первыми отъ полка послѣ изданія новаго закона, командированы были еще въ концѣ іюня: капитанъ, Григорій Чернышевъ, поручикъ, Андрей Болвановъ и подпоручикъ, Петръ Киселевъ, а съ ними 4 дѣвщика.⁵ Съ переходомъ „въ транжаментъ“ пришла очередь и полкового командира.⁶ На время отсутствія полковника Борисова въ командованіе полкомъ вступилъ подполковникъ Шарфъ.⁷ Отсутствіе настоящаго полкового командира, при тѣхъ условіяхъ въ которыхъ находился

полкъ, не могло не отразиться весьма чувствительнымъ образомъ на его благосостояніи. Подполковникъ Шарфъ, переведенный всего лишь въ мартъ мѣсяцъ къ намъ, т. е. почти наканунѣ похода, былъ лицомъ новымъ, незнакомымъ съ порядками и требованіями Рязанской жизни,—вводить же, что либо новое, не имѣло съ его стороны ни цѣли, ни основанія.

Зима 1731 года уже приближалась къ концу, какъ къ чисто сторожевой степной службѣ вскорѣ долженъ былъ присоединиться новый родъ занятій. Вопросъ объ улучшеніи обороны южныхъ границъ былъ всегда на очереди, а въ разсматриваемое время, съ воцареніемъ Императрицы Анны, рѣшенъ былъ принятіемъ системы непрерывныхъ укрѣпленныхъ линій. Система эта, позаимствованная съ запада, и слѣпо примѣняемая хорошимъ знакомымъ Рязанцевъ генераломъ Минихомъ, почему то особенно ее взлюбившимъ, имѣла породить цѣлую сѣть непрерывныхъ укрѣпленныхъ линій, какъ: Украинская, Закамская по рѣкѣ Сокъ, сѣвернѣе Самары, Царицынская, Оренбургская и нѣсколько сибирскихъ. Важнѣйшая изъ этихъ линій была Украинская. Она шла отъ устья Донца, по р. Орелъ, на 268 верстъ. На этомъ протяженіи предполагалось имѣть 16 опорныхъ пунктовъ, частью уже раиѣ воздвигнутыхъ, частью намѣченныхъ только къ возведенію. „Транжаментъ,“ занятый Рязанскимъ полкомъ, находился на лѣвомъ флангѣ Украинской линіи и, по плану Миниха, его надлежало перестроить въ сильный опорный пунктъ, подъ названіемъ крѣпости Святой Анны. Названіе это, данное въ честь царствующей Императрицы, надолго стало памятнымъ въ жизни полка.

Разсматривая, намѣченную къ возведенію, Украинскую линію, и не касаясь даже огромныхъ средствъ, затраченныхъ на ее возведеніе, придемъ къ заключенію, что она имѣла только капитальные недостатки. Система укрѣпленныхъ пограничныхъ линій требовала огромнаго количества войскъ. Но и при этомъ условіи татары свободно прорывали тонкій кордонъ. Линія эта, какъ увидимъ впоследствии, не оказала никакого вліянія и на наши наступательныя дѣйствія въ Крыму, т. е. не обеспечивала тыловыхъ сообщений. Много селеній, выдвинутыхъ впередъ, не прикрывались окопами. Грунтъ земли былъ неудобенъ для земляныхъ сооруже-

ий. На линіи былъ недостатокъ въ хорошей водѣ, не говоря уже
лѣсъ. Наконецъ, что самое главное, подобнымъ устройствомъ
форона, порывалась всякая связь съ историческими условіями
форона южной границы.⁹ Все это довольно скоро выяснилось.
По весноу 1731 года въ крѣпости Св. Анны начались уже пред-
варительныя работы. Пошла разбивка укрѣпленій, свозка и заго-
товка матеріаловъ и т. п. Насколько привлечены были Рязанцы
къ этимъ занятіямъ—сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ,
участіе ихъ не могло быть значительно. Гарнизонъ крѣпости,
въ то время, кромѣ Рязанскаго, составляли еще полки: Выборгскій
и Казанскій,¹⁰ что способствовало равномерному, не тягостному
распределенію служебныхъ нарядовъ. За то въ будущемъ пред-
видѣлось, ожидалось многое. Объ этомъ заранѣ оповѣщены были
Рязанцы.

Настойчивый и упрямый въ проведеніи своихъ проектовъ,
генераль-фельдцейхмейстеръ и оберъ-директоръ надъ фортификаціа-
ми, Минихъ потребовалъ на 1732 годъ, для строенія крѣпости,
полки Рязанскій и Вятскій, а, сверхъ того, драгунъ такое число,
чтобы ежедневно было на работѣ 3010 человекъ.¹¹ Судьбѣ угод-
но было часто сталкивать насъ съ Минихомъ, въ полку его хоро-
шо знали, и съ покорностью, свойственной только русскому солдату,
ни на что не надѣялись. По всей вѣроятности, ради будущихъ
трудоу, для зимняго отдыха, Рязанскій полкъ, въ концѣ сентября,
былъ выведенъ изъ крѣпости Св. Анны и расположился на вин-
теръ квартирахъ, по разсмотрѣнію губернаторскому, въ ближнихъ
къ крѣпости казачьихъ городкахъ: Усть-Хонерѣ и Мелеховцѣ.¹²
Несложную программу лѣтнихъ занятій на будущій 1732 годъ
коротко опредѣлялъ указъ: „быть на караулѣ и работѣ въ крѣ-
пости Св. Анны“.¹³ Такъ протекли первые два года службы
въ степи, а съ ними и два года злополучнаго царствованія Импе-
ратрицы Анны. Мы видѣли, какъ за это время круто и рѣзко
измѣнилась привычная обстановка, какъ расширился кругъ дѣя-
тельности Рязанцевъ, призванныхъ на важный постъ, на окраины.
Но все это могло коснуться только, въ большинствѣ случаевъ,
внѣшнихъ сторонъ полковой жизни. Къ трудамъ, лишеніямъ и не-
взгодамъ издавна привыкъ русскій солдатъ, смотрѣлъ на нихъ,
какъ на вещь неизбѣжную, находя въ преданности къ Царю,

въ покорности волѣ Божьей, неисчерпаемый запасъ нравственныхъ силъ. Да и не все ли равно. Работать ли на Ладожскомъ каналѣ, или же строить укрѣпленія на Дону, выжидать ли на берегахъ Финскаго залива шведа и англичанина, или же слѣдить и быть вѣчной угрозой степнымъ хищникамъ! Служба вездѣ одинакова; а еще на пользу Россіи, во славу Царю, развѣ могла быть страшна? И не считалась она въ тягость! Тягостны и страшны стали только тѣ порядки, которые, съ первыхъ же дней новаго царствованія, дерзкою рукою иноземцевъ прививались русскимъ войскамъ, коверкая и ломая весь ихъ бытъ, вопреки священнымъ, испытаннымъ петровскимъ традиціямъ. Правда. Въ два предшествовавшія царствованія въ арміи накопилось много безпорядковъ; устранить ихъ были сдѣланы попытки уже при Петрѣ II-мъ, но безуспѣшно; задачей новаго правительства, такимъ образомъ, было: возбудить старые вопросы, укрѣпить расшатавшееся, и продолжать дѣло развитія арміи въ духѣ указанномъ ея Преобразователемъ, сообразуясь съ требованіями времени и обстановкой. Дѣйствительно. Указомъ 1-го іюня 1730 года Императрица Анна Іоанновна учредила „особливую комиссію“ съ двоякой цѣлью: 1) дабы сухопутную армію въ порядочномъ состояніи всегда содержать; 2) дабы обстоятельно можно было знать, какая сумма на содержаніе войска необходима.¹⁴ Намѣренія, какъ видимъ, самыя благія, но результаты дѣйствій комиссіи вполнѣ зависѣлъ отъ лицъ-руководителей, поставленныхъ во главѣ ея. Посмотримъ, что же это были за лица? Въ концѣ 1730 г. умеръ кн. Михайль Голицынъ, а, при преслѣдованіи фамилій Долгорукихъ, князь Василій Владиміровичъ заточенъ въ крѣпость. Дорога нѣмцамъ открыта,—сила ихъ упрочена. На первыя мѣста выдвигаются: Остерманъ, Минихъ и Ласси, имѣя связующимъ звеномъ между собою и Верховною властью низкаго фаворита, Бирона. Сгоравшій честолюбіемъ, Минихъ, въ теченіи двухъ—трехъ лѣтъ, проводитъ рядъ самыхъ рѣшительныхъ реформъ по военному вѣдомству. Опытъ недавно минувшихъ временъ Петра I-го оставляется безъ вниманія; замѣтно только лишь стремленіе ввести иностранные порядки. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе разработка штатовъ, оконченная въ 1731 году. Главная особенность новыхъ штатныхъ положеній заключалась въ разницѣ между численнымъ составомъ полка въ мирное и военное

вѣ. Здѣсь главная цѣль уменьшеніе расходовъ на военныя потребности. Съ приведеніемъ полка на военное положеніе онъ увеличивался противъ мирнаго состава на 1 офицера и 128 чело-
вѣкъ рядовыхъ, а вмѣстѣ съ нестроеными всего на 157 чело-
вѣкъ.¹⁵ Пополненіе это производилось изъ гарнизонныхъ частей,
которыя, въ свою очередь, дополнялись рекрутами. Число ротъ
въ полку оставили прежнее, т. е. 8, переименовавъ ихъ въ фузи-
ерныя; — гренадерской ротѣ, по примѣру прочихъ государствъ,
положено было не быть, а гренадеръ распределить по 16 человекъ
въ каждую роту. Только во время ученія они сводились вмѣстѣ,
образуя, такимъ образомъ, случайную, импровизированную, отборную
часть.¹⁶ Незначительная разница въ числѣ людей по штатамъ мирна-
го и военного времени достигала значительной цифры въ конскомъ
составѣ. Такъ, въ полку, изъ положенныхъ 152 лошадей, въ мирное
время не содержалось и половины лошадей,¹⁷ а въ военное— пред-
положено было приобрѣтать недостающихъ лошадей вольной покуп-
кою.¹⁸ Впрочемъ, способъ этотъ, какъ слишкомъ медленный, былъ
замѣненъ скорѣ обязательной поставкой отъ населенія, съ пла-
тою по 20 руб. за лошадь.¹⁹ Рассмотрѣны были затѣмъ табели
вещевого и артиллерійскаго довольствія, и увеличены сроки служ-
бы всѣхъ предметовъ обмундированія и снаряженія въ двое.²⁰
Наконецъ, 17-го августа того же 1731 года, опредѣленъ новый
порядокъ вещевого довольствія, основаніемъ для котораго послу-
жило, хотя петровское, но измѣненное начало.²¹ Каждая вещь
расцѣнивалась и стоимость ея, въ общей суммѣ жалованія, отпу-
скалась въ части. Изъ этого отпуска солдату строили предметы
вещевого довольствія, тоже по расцѣнкѣ каждой вещи, а обяза-
тельные остатки выдавались на руки: гренадерамъ 58 коп., солда-
тамъ 4 коп. Система эта, предоставляя полковой администраціи
покупку и заготовку предметовъ обмундированія, съ обязательными
вычетами изъ жалованія солдатъ, посеяла недорозумѣнія между
начальниками и подчиненными. Тѣмъ же закономъ, введены были
перемѣны въ обмундированіи, придерживаясь во всемъ прусскихъ
образцовъ. Общее для всѣхъ войскъ распоряженіе состояло въ
пудреніи волосъ и въ ношеніи длинныхъ косъ, которыя у нижнихъ
чиновъ оплетались черною кожей, а у офицеровъ черною же шел-
ковою лентою. Главныя части обмундированія сохранили прусскіе

цвѣта, мѣрку и покрой; прибавлены бѣлые штилеты и манжеты къ рубашечнымъ рукавамъ. Полкъ отъ полка отличался накладкой изъ шерстяной тесьмы, нашивавшейся на лѣвомъ плечѣ кафтана, въ родѣ нынѣшнихъ нагонъ,—въ Рязанскомъ полку накладка эта была желтая.²² Офицерамъ, до того времени не имѣвшимъ постоянного обмундирования, была присвоена одежда покроемъ и цвѣтомъ такая же какъ и у нижнихъ чиновъ, только съ перемѣною—красныхъ штановъ на темнозеленые, и на шляпѣ—шерстяного галуна на золотой, шерстяного банта или кобарды—на шелковый. При такой одеждѣ офицеры носили перерѣзанныя перчатки съ небольшими обшлагами.²³

Прежде всѣхъ этихъ измѣненій однако, еще въ началѣ царствованія, а именно 8-го марта 1730 года, состоялся указъ Сената, утверждающій, представленный Минихомъ, полковой гербъ. Изображеніе его во всемъ сходно съ гербомъ Рязанской провинціи, какой имѣлся на ротныхъ знаменахъ временъ Петра Великаго: въ серебрянномъ щитѣ, на желтомъ полѣ, русскій князь, въ красной епанчѣ, платѣ, сапогахъ и шапкѣ съ собольей опушкою, держащій въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой ножну, и стоящій на зеленой землѣ.²⁴ Полковой гербъ сталъ неотъемлемой частью многихъ предметовъ снаряженія и замѣнилъ на двуглавыхъ орлахъ знаменъ изображеніе Св. Георгія.²⁵ Однимъ словомъ, въ дѣлѣ обмундирования мы удалились болѣе чѣмъ когда либо отъ русской формы, и то въ такое время, когда послѣ петровской ломки большая уже была пора вернуться къ правамъ и обычаямъ родной страны.

Не лучше обстояло и съ новыми штатами. Основная ихъ цѣль—сокращеніе расходовъ, была достигнута учрежденіемъ штатовъ мирнаго и военного врежени, но достигнута, вопреки основному положенію Петра I-го, только уменьшеніемъ отпуска полевымъ войскамъ, въ общемъ же, военный бюджетъ увеличили въ то время почти въ шесть разъ.²⁶

Принявшись передѣлывать все на свой т. е. нѣмецкій ладъ, реформаторы почему то, однакожъ, оказали особенное вниманіе одному только петровскому положенію, а именно: они возстановили въ 1730 году, столько разъ передѣлываемый и наконецъ отмѣнен-

ный, плакать 1724 года, съ нѣкоторыми ограниченіями, конечно.²⁷ Такъ, полки выведенные съ вѣчныхъ квартиръ не были туда возвращены, а для завѣдыванія подушнымъ сборомъ посланы офицеры съ командами,—отъ Рязанскаго полка по прежнему въ Баширь.²⁸ Если эта реформа, направляемая русскими людьми въ два царствованія Екатерины I-й и Петра II-го, привиться не могла, какихъ же можно было ожидать послѣдствій, въ разсматриваемое время? Результаты получились по прежнему самые плачевные, и притомъ еще въ болѣе рѣзкой формѣ. Опять стали обвинять офицеровъ въ неправильныхъ поборахъ и взяткахъ, роняя репутацію войскъ, разбои и побѣги крестьянъ не прекратились, а недоимки съ населенія не уменьшились. Безобразіе достигло такихъ размѣровъ, что, спустя пять лѣтъ, плакать пришлось отмѣнить, и на этотъ разъ окончательно.²⁹ Но каково стало положеніе полковъ? Установилась весьма сложная полковая отчетность, веденная на трехъ хозяйственныхъ книгахъ, съ массою графъ въ каждой изъ нихъ, что и было началомъ усложненія канцелярской работы.³⁰ Правила полкового хозяйства вынуждали вачальниковъ частей до ротныхъ командировъ включительно, заниматься массою заготовокъ, счетовъ и расчетовъ съ населеніемъ, съ центральными управленіями и, наконецъ, съ нижними чинами по обмундированію и довольствію.³¹ Повѣрка полковой отчетности, подлежавшая веденію всѣхъ офицеровъ, возложена только на штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ, а должность фискала упразднена.³²

Но приведенныя военно-административныя реформы Миниха этимъ однако ограничиться не могли, что весьма понятно. Оставался еще личный составъ, неразрывно, тѣсно связанный съ новыми порядками, способъ его комплектованія, и прямо вытекающіе изъ всей системы—способы воспитанія и строевого обученія. Говорятъ, что было предположено ввести жеребьевую систему набора, сократить срокъ службы до 10 лѣтъ, но что, по неизвѣстнымъ причинамъ, мѣра эта не была приведена въ исполненіе.³³ О томъ какія были бы послѣдствія проектированной реформы распространяться не стоитъ. Намъ нужны факты, а они то вовсе не въ пользу реформаторовъ. Система рекрутскихъ наборовъ со всѣми ея недостатками, замѣченными еще при Петрѣ I-мъ, оста-

лась не тронутой, за то смягчили нравственный цензъ, для поступающихъ въ ряды войскъ. Въ солдаты пазначали даже за наказаніе. Одно дворянство съумѣло выхлопотать себѣ выдающіяся льготы, но и въ нихъ незаконченность реформы сильно замѣтна. Сокративъ срокъ службы дворянамъ до 25 лѣтъ,³⁴ мы нарушили исключительно только въ ихъ пользу принципъ общеобязательной воинской повинности, которымъ петровская Россія опередила Европу на цѣлое столѣтіе. Замѣчательной мѣрою было учрежденіе въ 1732 году кадетскаго корпуса, по образцу прусскаго и датскаго³⁵, съ цѣлью поднять уровень военнаго образованія офицеровъ. Подобное стремленіе достойно уваженія, безспорно, но оно еще далеко до выводовъ, что бывшіе кадеты оказывали вліяніе на поднятіе образованія офицеровъ въ арміи вообще. Въ первые годы выпускъ ограничивался нѣсколькими человѣками,³⁶ и напр., у насъ, въ Рязанскомъ полку, за все время царствованія Анны Іоанновны не было ни одного офицера, выпущеннаго изъ кадетскаго корпуса. Большинство, по прежнему, пополняется производствомъ изъ сержантовъ, и практическое знаніе строя считается главнымъ условіемъ производства. Что при такомъ порядкѣ войска обезпечены были въ выборѣ начальниковъ, свидѣтельствуетъ такое повелѣніе, какъ отмѣна указа, разрѣшающаго производить неграмотныхъ въ офицеры, а даже солдатъ и капраловъ въ унтеръ-офицеры, „дабы каждый по обученію грамотному попеченіе имѣлъ не лѣностное“.³⁷ Вообще, въ распоряженіяхъ, касающихся корпуса офицеровъ, проглядываетъ вѣрный военный взглядъ Миниха. Такъ, столь часто практиковавшіеся переводы по прошенію и по прихотямъ, изъ полка въ полкъ, были воспрещены, „дабы настоящіе въ полкахъ офицеры отъ такихъ прихотей обиды потерпѣть не могли“.³⁸ Ограничено производство въ чинъ полковника,³⁹ наконецъ, русскіе офицеры сравнены въ правахъ съ инопоземцами.⁴⁰ Последнее заслуживаетъ особеннаго вниманія и было слѣдствіемъ крайняго раздраженія арміи противъ иностранцевъ. Рядъ законоположеній, изданныхъ по этому поводу, имѣлъ однако чисто формальный характеръ: уравнивали жалованіе,⁴¹ да обставили незначительными затрудненіями переводы иностранныхъ офицеровъ съ повышеніемъ въ штабъ-офицерскій чинъ.⁴² Но вся власть по прежнему осталась въ рукахъ иностранныхъ выходцевъ. Да они и

когда не стримились на низкія мѣста. Разсматривая полковые списки съ 1730 по 1742 годъ, мы ничуть не поражаемся числомъ иностранцевъ, оно не превышало таковаго же количества за время Петра I-го. Источникъ раздраженія слѣдовательно былъ не въ нихъ, лежалъ выше, среди пѣмецкаго генералитета, т. е. тамъ откуда управляли, и гдѣ открыто, съ пренебреженіемъ относились ко всему русскому. Этого то не тронули.

Воснемся теперь двухъ важныхъ отдѣловъ воспитанія и строевого образованія войскъ. Вопросами воспитанія въ то время никто не задавался. Съ прекращеніемъ продолжительной войны, послѣ Ништадтскаго мира, на отдѣлъ этотъ могла вліять только система мирныхъ занятій. Но она то совершенно неблагопріятствовала правильному развитію воспитанія. Винтеръ квартиры въ теченіи 5—6 зимнихъ мѣсяцевъ удоблялись періоду вольныхъ работъ, когда надзоръ и спеціальныя воинскіе обычаи почти не практиковались. Хозяйство полковое, основанное исключительно только на экономическихъ началахъ, вырабатывало быть можетъ искусныхъ ротныхъ и полковыхъ хозяевъ, занятыхъ изысканіемъ болѣе выгодныхъ коммерческихъ пріемовъ для довольства, но совершенно, чтобы при этихъ условіяхъ развивались принципы, благотворно вліявшіе на отдѣлъ воинскаго воспитанія. Не благопріятствовало ему и строевое обученіе. Въ 1731 году Минихъ рѣшился наложить руку на классическій воинскій уставъ Петра I-го, замѣнивъ его уставомъ „пѣшей“ или, какъ называли въ армии „прусской экзерциціи“. До недавнаго времени, благодаря не имѣнію точнаго его списка, полагали, что уставъ этотъ цѣликомъ позаимствованъ былъ изъ Пруссіи. Труды Д. Ф. Масловскаго, который издалъ въ печати „экзерцицію пѣшу съ показаніемъ яснаго толкованія,“ разъясняли это заблужденіе.⁴³ Сравнивая между собою положенія устава воинскаго 1716 года, экзерцицію пѣшу 1731 года и королевско-прусскій старый и новый уставъ, пришли къ заключенію, что уставъ Миниха не имѣетъ ничего общаго съ прусскимъ уставомъ, и есть—или собственное его измышленіе или компиляція разныхъ иностранныхъ уставовъ.⁴⁴ При всемъ этомъ, „экзерциція пѣша,“ по крайней мѣрѣ въ командныхъ словахъ, съ незначительными лишь измѣненіями, вполне соответствуетъ

уставу Петра I-го. Но Миниху, какъ истому нѣмцу-систематичу не могло быть понятно то идеальное направленіе въ обученіи войскъ, которое было указано Петромъ Великимъ, сообразно съ духомъ и способностями русскаго народа. Отрицая въ немъ всякія способности, Минихъ исключилъ изъ устава все общія замѣчанія о правилахъ показа на дѣлѣ нижнимъ чинамъ, какъ и что исполняется, и замѣнилъ ихъ уставно-письменнымъ „яснаго истолкованія“. Съ нѣмецкой аккуратностью описывается, какъ при каждомъ темпѣ держать ружье, гдѣ долженъ быть какой палецъ, въ какомъ именно положеніи имѣть ноги; причемъ все эти предписанія такъ мелочны и сложны, что нѣкоторые ружейные приемы теперь все съмѣ непонятны. А они то, вмѣстѣ съ точно регламентированной муштровкой, обращены были въ самый важный отдѣлъ упражненій.⁴⁵ Это новое направленіе въ русскаихъ войскахъ послужило историческимъ началомъ убійственно сложной муштровки, съ пристукиваніемъ и прищелкиваніемъ, съ порчею оружія для звучности темпа, что костьлило строй по выраженію Петемкина. Прямымъ уже послѣдствіемъ явились: неслыханныя до того, палка и батоги за непонятливость и невниманіе.

Команды для прикладки, прицѣливанія и производства выстрѣла по воинскому уставу и по миниховскому почти тѣ же, зато громадная разница въ основномъ смыслѣ. Какъ первый требуетъ, чтобы офицеры „съ прилежаніемъ за каждымъ солдатомъ примѣчали, чтобы справно могли быть наилучшимъ образомъ; и чтобы каждому мушкетеру особливо стрѣлять,“ послѣдній задается самыми мелочными правилами держанія ружья при заряданіи и прицѣливаніи, пропуская одиночную стрѣльбу.⁴⁶ Обученія—наносить ударъ штыкомъ, съ поворотомъ во все стороны, въ уставѣ нѣтъ, все ограничивается только описаніемъ приема на руку. Строй оставался въ 4 шеренги съ различными перестроеніями для „вздвиганія шеренгъ“ и открытіемъ огня изъ 3-хъ шереножнаго строя. Послѣднее разрѣшалось и въ концѣ царствованія Петра I-го. Строевая цѣлость роты, какъ единицы, нарушалась тѣмъ, что на время ученія (боя) устанавливались дивизионы, т. е. соединеніе 2-хъ ротъ, съ временными начальниками. Наконецъ, даны правила о гренадерской

экзерциции и для строенія рогатокъ.⁴⁷ Правила устава воинскаго 1716 г. о полевой службѣ, повидимому, не были измѣнены, а, изданное Минихомъ, *постановленіе для боя, въ періодъ Турецкой войны*, въ свое время будетъ разобрано.

Такъ передѣланное, капитальное твореніе Петра I-го Минихъ не рѣшался напечатать, а разослалъ „экзерцицію пѣшу“ въ рукописяхъ. Мѣра эта, благодаря ошибкамъ переписчиковъ и произвольнымъ толкованіямъ, имѣла послѣдствіемъ, что въ каждомъ полку было свое „ясное толкованіе“, т. е. мы вернулись къ положенію донетровскому: что ни полкъ, то свой уставъ. Ружьистика усложнилась по произволу каждаго, доходя до самыхъ несообразныхъ фокусовъ, выдѣлываемыхъ ружьемъ для красоты. Выше мы говорили, что, одновременно съ новымъ строевымъ обученіемъ, появились палки и батоги. Разсматривая точно установленную закономъ строевую дисциплину Петра I-го, мы видѣли, что тамъ проступки наказывались съ соблюденіемъ извѣстной постепенности; рѣшительно нѣтъ ни одного указанія на батоги за ошибки напр. въ ружейныхъ пріемахъ; напротивъ, при всей суровости законовъ, требовалось одного лишь исправленія ошибокъ, происходящихъ отъ неловкости и недостатка навыка. Система тѣлесныхъ наказаній разцвѣла, такимъ образомъ, только во времена Миниха, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ офицеровъ, воспитанныхъ въ занятіяхъ съ прусскими наемниками. Примѣненная къ намъ, русскимъ: она забивала природную способность солдата, не благопріятно отражалась на развитіи строевого образованія, способствовала побѣгамъ и, наконецъ, вредно отразилась на самой дисциплинѣ.

Переустроенной на такихъ основаніяхъ, русской арміи положено было производить самые тщательные смотры, „дабы все полезныя учрежденія въ надлежащемъ порядкѣ и въ своей силѣ нарушимо и постоянно содержаны были“.⁴⁸

Мы знаемъ, что при Петрѣ Великомъ командующему генералитету вмѣнялось въ обязанность каждый полкъ своей команды смотрѣть по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ во всѣхъ отношеніяхъ. Смотры эти послѣ кончины Царя производились дѣйствительно не аккуратно, за то теперь они были введены въ систему и точно оформлены особой инструкціей.⁴⁹

Независимо смотровъ ближайшихъ начальниковъ, таковые, по инструкціи, имѣли производиться всей арміи, особо назначенными инспекторами: однимъ главнымъ въ чинѣ генераль-лейтенанта и тремя военными инспекторами въ рангахъ генераль-маіоровъ. Армія для смотровъ росписана была на 4 департамента, причеъ полки не состояли въ постоянномъ веденіи одного и того же инспектора, а поручались имъ для инспекціи поочередно. Смотры „чинились“ два раза въ годъ—весною, передъ вступленіемъ въ кампанентъ, и осенью—при роспускѣ на зимтеръ-квартиры; по изъ этого общаго положенія допускались изъятія относительно времени, въ зависимости отъ непредвиденныхъ причинъ, но съ непремѣннымъ условіемъ—инспектировать по два раза въ годъ. Инспектора, провѣряющіе весною одинъ департаментъ, осенью переѣзжали въ другой и т. д., мѣняясь другъ съ другомъ, „дабы каждый о состояніи всѣхъ полковъ былъ извѣстенъ.“⁵⁰ „Генераль-инспекторъ долженъ былъ всѣ полки осмотрѣть и мунстровать, сколько ему въ году время допустить, по послѣдней мѣрѣ однаждыжъ“.

По росписанію, составленному 16-го февраля 1732 года, Рязанскій полкъ причисленъ къ 2-му департаменту, который обнималъ войска, расположенные на огромнѣйшемъ пространствѣ: въ Смоленскѣ и его уѣздѣ, въ гг. Москвѣ, Твери, Торонцѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, въ Бѣжицахъ и Кашинѣ, Тульской провинціи на Веневѣ, въ Козловѣ и уѣздѣ, въ Борисоглѣбскѣ, Тамбовѣ, въ казачьихъ городкахъ и крѣпости Св. Анны.⁵¹

Для перваго въ 1732 г. весенняго смотра 2-го департамента назначенъ генераль-маіоръ и инспекторъ фонъ Венедіеръ.⁵² Не смотря на всю строгость требованій инструкціи, весенній смотръ однако въ Рязанскомъ полку не состоялся.⁵³ Помѣшало этому, по всей вѣроятности, отдаленность казачьихъ городковъ, куда добраться за весенней распутицей и отсутствіемъ путей положительно нельзя было.

Перейдя къ началу лѣта для работъ и карауловъ въ крѣпость Св. Анны, полкъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, дождался таки прибытія другого военнаго инспектора генераль-маіора Кейта.⁵⁴ Смотриъ произошелъ 11-го октября и результаты его изложены въ странномъ рапортѣ инспектора въ Военную Коллегію.⁵⁵

Слѣдую параграфамъ инструкціи, постараемся изложить весь ходъ смотра, который одинъ только въ состояніи обрисовать намъ состояніе полка во время нахождения его въ стѣняхъ, въ разгаръ извѣстныхъ намъ преобразованій. Для смотра и „мунстрованія“ полкъ поставленъ былъ въ парадъ и съ прибытіемъ инспектора передъ фрунтъ, по командѣ подполковника Шарфа, отдалъ установленную честь ружьемъ. Командующій полкомъ затѣмъ представилъ: 1) именныя списки всѣхъ чиновъ полка по ротнo; 2) табели—о состояніи по новому статуту полнаго комплекта, о паличныхъ людяхъ, о мундирныхъ вещахъ, ружьяхъ, аммуниціи, о лошадяхъ и всѣхъ вообще казенныхъ вещахъ; 3) вѣдомость о рекрутахъ. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что въ полку состояло по списку всѣхъ чиновъ 920 человекъ и 19 сверхъ комплекта, недоставало, такимъ образомъ, согласно новаго статута, 487 человекъ; въ томъ числѣ 6 офицеровъ.⁵⁶ Особеннаго вниманія заслуживаетъ количество больныхъ, которыхъ въ полку и при лазаретѣ числилось 342 человекъ.⁵⁷ Добавивъ къ этому командированныхъ въ г. Каширь для сбора подушныхъ денегъ, въ Нижній Новгородъ за рекрутами, въ Низовый корпусъ и оставленныхъ въ станицахъ для караула провіанта, да еще отпускныхъ, получимъ, что Рязанскій полкъ могъ вывести въ строй всего 416 человекъ. Не въ лучшемъ положеніи находилась матеріальная часть. Приложенныя вѣдомости отмѣчаютъ сотни и цѣлыя тысячи негодныхъ и требуемыхъ въ добавку мундирныхъ, аммуничныхъ вещей и предметовъ снаряженія.⁵⁸ Продолжительная кочевая жизнь и служба на окраинахъ отлично характеризуется этими цифрами. Полкъ былъ босъ и пагъ. Оттуда же видно, что вновь введенное однообразное обмундированіе для штабъ и оберъ-офицеровъ полка къ смотру не было еще готово, а строилось только въ Москвѣ, черезъ нарочно посланныхъ офицеровъ, равно не были построены и новаго образца знамена.⁵⁹ Рекрутскія вѣдомости не менѣе достойны вниманія.⁶⁰ Въ 1732 году приверстано было въ полкъ рекрутъ Тверской провинціи 50 человекъ, наряда 1730 года, и принято 50, изъ нихъ, до приводу въ полкъ, бѣжало 1, умерло 2, а послѣ приводу—бѣжало 2, умерло 17. Рекрутъ Смоленской провинціи, наряда 1731 года, принято 100. До приводу въ полкъ бѣжало 1, померло 3, а послѣ приводу въ полкъ померло 19. Если допустимъ,

что новыя строевыя требованія не могли еще достигъ полнаго совершенства въ своихъ безобразіяхъ, то, сопоставивъ реврутскую вѣдомость съ числомъ заболѣвшихъ нижнихъ чиновъ, получивъ тяжелую обстановку жизни и службы Рязанцевъ въ казачьихъ городкахъ и крѣпости Св. Анны. Барабанщиковъ малорослыхъ оказалось въ полку 2 человѣка, и о перемѣнѣ ихъ, доносилъ г. Кейтъ, сдѣлано надлежащее распоряженіе.⁶¹ При опросѣ претензій, „какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ, оказалась всего одна жалоба, а именно: подлѣкарскій ученикъ заявилъ, что полковой лѣкарь Данило Витць употребляетъ его въ свою домовую работу силъво, а лѣкарской наукѣ не показываетъ, и похваляется бить смертно.“ Какія были послѣдствія жалобы—неизвѣстно. Объ ней сообщено лишь главнокомандующему Украинскимъ корпусомъ, г.-л. графу фонъ Вейебаху.⁶²

Когда, такимъ образомъ, закончена была повѣрка личнаго состава и имущества полка, инспектирующій приступилъ къ свѣдѣтельствуванію Рязанцевъ въ экзерциціи, въ взводахъ, въ маршахъ, въ караулахъ, въ церемоніяхъ и въ прочемъ, по вонискимъ артикуламъ и уставамъ. Здѣсь, по донесенію, оказалось все въ порядкѣ и исправно.⁶³ Затѣмъ, послѣдовалъ смотръ деньщиковъ и посѣщеніе больныхъ въ полковомъ лазаретѣ. Деньщиковъ, прослужившихъ шесть лѣтъ и болѣе, а равно числящихся за офицерами, владѣльцами свыше 100 душъ, нашлось всего 2 человѣка и они возвращены въ строй.⁶⁴ Состояніе полкового лазарета затѣ найдено въ совершенномъ безпорядкѣ. Достаточно сказать, что больные найдены безъ постели, валяющимися на полу, какъ и гдѣ попало. Положимъ, это было время, когда лазареты считались мѣстомъ развращающимъ солдата, и ради этого на нихъ не обращали вниманія. Завѣдывающіе лазаретами и лѣкаря, видя такое отношеніе, не считали преступленіемъ наживаться,—но все же г. Кейтъ принялъ къ сердцу положеніе больного русскаго солдата. Немедленно приказано полку заготовить 60 постелей изъ холстины, на что разрѣшалось израсходовать изъ полковой суммы 8 рублей.⁶⁵ Спасибо и за это. Послѣднимъ, такъ сказать, дѣйствіемъ инспектирующаго была повѣрка наличной денежной казны, полковыхъ, журнальныхъ, приходныхъ и расходныхъ книгъ и счетовъ.⁶⁶ Свѣдѣній объ этомъ въ рапортѣ г. Кейта никакихъ не оказалось.

Отвѣчены только не поступившими въ полкъ деньги на заготовку лошадей, наемъ подводъ подъ аммуницію и на нѣкоторые другіе мелочные расходы—всего на сумму 210 руб. 95 коп. На обязанности инспектора лежало такъ же уравненіе между полками нарядовъ, исходящихъ изъ Военной Коллегіи, на фортификаціонныя и другія работы.⁶⁸ Но въ этомъ отношеніи не было сдѣлано г. Кейтомъ никакихъ распоряженій.

Ежели смотрѣть на командировку полка въ степи, какъ на крайнюю необходимость, вызванную особеннымъ состояніемъ границъ, то возражать противъ такой командировки не приходится. Долгу защиты родины подчиняются всѣ соображенія, хотя бы даже и не клонящаяся къ сохраненію видимо разстроенной воинской части. Но дѣло въ томъ, что, въ концѣ 1732 года, въ степяхъ было, относительно конечно, все спокойно. Турція, занятая усложнявшимися событіями въ Персіи, сдерживала татаръ; казаки удовлетворены правительствомъ присмирѣли; однимъ словомъ, не было повода жертвовать людьми, держа ихъ безземно въ положеніи хуже любого осадного. Передвиженіе Рязанскаго полка для поправки болѣе къ сѣверу было тѣмъ легче, что онъ не находился въ постоянномъ составѣ Украинскаго корпуса, а всегда числился въ Главной Арміи, откуда и былъ выдѣленъ только въ крѣпость Св. Анны временно. Но на облегченіе надѣяться нечего было. Оставалось съ удвоенной энергіей работать надъ устройствомъ сноснаго жилия въ крѣпости.

Незначительная по величинѣ крѣпость Св. Анны обыкновенно лѣтомъ занималась кромѣ нашего еще полками: Выборгскимъ, Азовскимъ и Казанскимъ. Воздвигались земляные валы,—укрѣпленія, строились казармы, лазаретъ. Но все это чрезвычайно медленно, за недостаткомъ самаго важнаго матеріала—дѣсу. Въ такомъ положеніи находились жилия строенія крѣпости можно судить по тому, что даже лѣтомъ болѣе двухъ полковъ самаго малага состава помѣститься въ нихъ не могли; такъ было, напримѣръ, въ годъ инспекторскаго смотра, когда въ казармахъ помѣщались Рязанскій и Выборгскій полки, подъ крѣпостью же, лагеремъ, Казанскій и Азовскій.⁷⁰ Въ недостатокъ офицерскихъ и солдатскихъ квартиръ заключалась причина ежегодныхъ передвижущій

полка на зиму въ казачьи станицы: Усть-Хоперь и Мелеховець что повторилось и въ 1733 году.⁷¹ И такъ, еще одна зима протекла вмѣстѣ съ бравыми донцами. Хотя казаки не особенно были довольны нами, своими постояльцами, безпрестанно жаловались на свою бѣдноту и утѣшеніе, но время шло въ безмятежномъ спокойствіи. Замѣчательная, выдающаяся черта въ жизни полка. За время 2-хъ вѣковаго существованія полка намъ ни разу не придется отмѣтить столкновеній Рязанцевъ съ жителями, а, между тѣмъ, подобными описаніями переполнены документы XVIII и даже XIX столѣтій. На что уже плохо жилось въ станицахъ! А все же ничего. Даже недружелюбіе казаковъ къ солдатству смягчалось ровнымъ, спокойнымъ, безъ выматывающихъ къ нимъ отношеніемъ. Не повліяла на это и постепенная убыль полкового начальства. Такъ, вслѣдъ за командиромъ полка, сейчасъ же послѣ смотра, уѣхалъ подполковникъ Шарфъ въ Переяславль—Рязанскій для сбора подушныхъ денегъ.⁷² Во всемъ полку остался одинъ только штабъ-офицеръ, премьеръ-маіоръ Сергѣевъ. Въ станицахъ устраивались Рязанцы, знакомились съ новыми статутами, произвели перечисленіе въ строй рекрутъ, ожидали прибытія новыхъ, вычисляли, но все таки не досчитывались почти 50% личнаго состава, какъ противъ мирнаго, такъ и военнаго времени.⁷³ Въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ полкъ съ зимтеръ-квартиръ и на этотъ разъ повелѣно ему расположиться лагеремъ. Рѣка Донъ разлилась на огромномъ протяженіи. По словамъ жителей прибыли воды слѣдовало еще ожидать, а вблизи крѣпости не оказалось ни куска сухого мѣста. Разбивать лагерь при такихъ условьяхъ, въ постоянномъ ожиданіи наступленія обычныхъ тамъ южныхъ знойныхъ дней, было невозможно. „Ежели въ лагерь вывести и стоять въ палаткахъ, то солдатамъ не безъ нужды показаться можетъ“, доносилъ въ Военную Коллегію г. Вейсбахъ.⁷⁴ „Приходятъ великіе жары, отъ чего умножается число больныхъ. А въ прошломъ году, когда Азовскій и Казанскій полки въ лагерьъ стояли, то больныхъ было много, противу оставленныхъ въ крѣпости Рязанскаго и Выборгскаго полковъ.“ Крайность заставила отмѣнить лагерную стоянку и помѣстить все четыре полка въ казармахъ, благо позволяя по это ничтожный списочный ихъ составъ. Изъ того же донесенія, впервые послѣ 3-хъ лѣтъ пребыванія на Дону,

---

знаемъ о новой стихіи въ степяхъ—разливѣ рѣкъ, вредно вліяю-
щемъ на здоровьѣ солдатъ. Нѣтъ повода предполагать, что рань-
ше этого не было. Разница только въ томъ, что съ постройкою
крѣпости, съ назначеніемъ комендантомъ г.-м. Стрекалова, вѣда-
ющаго пограничными дѣлами всего лѣваго фланга, на заброшенный
уголокъ стали обращать больше вниманія. Что же происходило
въ первые мѣсяцы послѣ прибытія Рязанцевъ въ „транжаментъ“,
остается дополнять воображеніемъ, ибо письменныхъ свѣдѣній пи-
савихъ не сохранилось.

Особенно памятенъ остался 1734 годъ. Проведя по обыкно-
венію зиму въ извѣстныхъ намъ станицахъ, прибыли Рязанцы
весною въ крѣпость Св. Анны. Гарнизонъ ея, на этотъ разъ, кро-
мѣ четырехъ полковъ, увеличился еще артиллеріею и инженерной
командой. Оживленіе было неслыханное. Свыше 5 тысячъ чело-
вѣкъ собралось разбить свои лагерныя палатки,⁷⁵ а еще ожидали
изъ воронежскаго гарнизона полковъ—Павловскаго и Козловскаго.⁷⁶

Но Донъ готовилъ намъ неожиданный сюрпризъ. Выступивъ
изъ береговъ, рѣка разлилась на огромномъ протяженіи. Подоб-
наго наводненія давно уже не помнили старожилы. Окрестности
крѣпости на цѣлыя десятки верстъ оказались подъ водою. Глу-
бина разлива Дона, въ соединеніи съ рѣчкою Васильевкой, до-
стигла 4 аршинъ. Явилась серьезная опасность крѣпостнымъ
постройкамъ.⁷⁷ Первое, что пришлось спасать—это лазаретъ полка,
построенный внѣ крѣпостныхъ верковъ. По приказанію г.-м. Шу-
валова, смѣнившаго въ должности коменданта г. Стрекалова, еже-
дневно, болѣе 1400 человекъ работали надъ возведеніемъ вокругъ
лазарета предохранительнаго вала, вырывая его силою изъ рукъ
бушующей стихіи. Конечно, о лагерной стоянкѣ не могло быть и
рѣчи. На ничтожномъ внутреннемъ пространствѣ крѣпости тол-
пились тысячи солдатъ положительно безъ крова. Улицы между
казармами, валганги, все было занято ими; на учебныхъ пла-
цахъ вырывались ямы, строились курени, на подобіе казачьихъ,
лишь бы только, хотя какойнибудь, кровъ имѣть надъ головой.⁷⁹
Единственнымъ способомъ облегчить людей было—вывести ихъ
на Аксайскія горы, въ 10 верстахъ отъ Св. Анны. Но не
рѣшался на это г. Шуваловъ, ибо, за недостаткомъ перевозочныхъ

средствъ, пришлось бы прекратить тогда въ крѣпости всякія работы. Паденіе водъ, между тѣмъ, происходило чрезвычайно медленно и даже въ концѣ іюля вода стояла еще довольно высоко. Пробѣдствовавши, такимъ образомъ, все лѣто, въ полку вдобавокъ не знали, гдѣ придется пріютиться на зиму. На казачьи станицы рассчитывать нечего было,—бѣдствіе наводненія не щадило ихъ.

Атаманъ донскихъ казаковъ, Андрей Лопатинъ отъ имени всего войска обратился къ Императрицѣ, прося содѣйствія правительства помочь горю. „Полая вода“, доносилъ онъ,⁸⁰ „даже до августа едвали сойти можетъ, а всѣ дома и прочія строенія поразломало, и ежели солдатъ поставить, то оныхъ станицъ казаки будутъ весьма оскорблены и понесутъ не малое отягощеніе“. Правительство не желало оскорблять казаковъ, имѣя въ виду уже въ то время походъ въ Крымъ, а потому обычные внитеръ-квартиры были отмѣнены.

Но куда дѣвать собравшіеся въ крѣпости войска, составъ которыхъ увеличился еще прибытіемъ 10-го іюля минерной роты? Г. Шуваловъ предложилъ вывести два полка въ станицы, сообщивъ, что безъ этого будетъ большое утѣшеніе.⁸¹ Но Военная Коллегія не соглашалась. Дѣло уладилось только въ концѣ августа съ прибытіемъ для строенія крѣпости генераль-квартирмейстера Дебринія. Тогда, съ общаго совѣта, рѣшено: такъ какъ для строенія крѣпости нужны гонты и дрань, а кромѣ того лѣсъ для „забранія шкарповъ и контръ шкарповъ“, то послать для заготовки въ Изюмскіе лѣса 900 человѣкъ рабочихъ, въ крѣпости тогда будетъ свободнѣе и полки размѣстятся.⁸² Такъ порѣшили вопросъ о квартирахъ и Рязанцы остались на зиму въ крѣпости Св. Анны. Сборная же команда дровосѣковъ, подъ начальствомъ подполковника Бахметьева, выступила немедленно, а съ ней отъ полка капитанъ Григорій Вельяшевъ.⁸³ Возстановить порядокъ зимняго расквартированія полка въ крѣпости въ настоящее время конечно невозможно. Признать однакожь необходимо, что онъ могъ только благопріятствовать устраненію многихъ недочетовъ, замѣченныхъ еще г. Кейтомъ. Люди, находясь въ сборѣ, постоянно на глазахъ начальства, не такъ распускались, строевыхъ занятій прекращать

не приходилось, какъ раньше было, почти на цѣлыхъ полъ года, да и бѣдное всѣхъ видовъ полковое имущество не трепалось безъ пользы въ стениной грязи, по казачьимъ захоlustьямъ. Но мало этого. 23-го декабря того же года, вмѣсто номинальнаго нашего командира, полковника Борисова, котораго Рязанцамъ и узнать не пришлось, командиромъ полка назначенъ полковникъ, Андрей Лихаревъ, офицеръ временъ Петра Великаго.⁸⁴ Казарменная стоянка большую службу сослужила нашему командиру: она позволила ему сразу принять въ руки полкъ, остававшійся долго безъ начальника, познакомиться съ его состояніемъ и, наконецъ, заблаговременно, припяться за дѣло исправленій, чего настоятельно требовали готовящіяся на границѣ событія.

Уже не разъ было говорено, что, кромѣ пограничныхъ споровъ изъ за татарскихъ набѣговъ, всѣ отношенія русскаго правительства къ Турціи обусловлялись ходомъ персидскихъ дѣлъ. Чѣмъ болѣе усложнялись эти дѣла, тѣмъ менѣе Турція была опасна Россіи въ вопросахъ европейской политики. Поддержать сопротивление персіянъ въ войнѣ съ Портою, воспрепятствовать заключенію мира между воюющими сторонами, было прямою задачею Россіи въ началѣ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда со смертію короля польскаго Августа II-го, вопросъ о его преемникѣ могъ повести къ столкновенію съ западными державами. Отлично понимали это враги Россіи. Видя наши успѣхи на Вислѣ, они не переставали побуждать Турцію дѣйствовать съ ними заодно, выставляя, въ случаѣ успѣха, возможность раздѣла нашего отечества, приведенія его къ положенію, какое оно занимало сто лѣтъ тому назадъ. Перспектива заманчива. И Турція не прочь была согласиться, не будь у нее персидской петли на шеѣ. Дабы по крѣпче, по надежнѣе затянуть эту петлю, русская дипломатія, можетъ быть черезъ чуръ опрометчиво, по согласилась уступить Персіи столь памятные Рязанцамъ завоеванія Великаго Петра на Каспійскомъ побережьи. Баку, Дербентъ и даже крѣпость Св. Креста въ 1735 году очистили наши войска. Заручившись цѣною такихъ жертвъ расположеніемъ персидскаго правителя Кулыхана, въ Петербургѣ рѣшили: не дожидаясь пока Турція управится на Азіятскомъ Востоку, самимъ начать войну. Всѣ обстоятельства, казалось, бла-

гопріятствовали этому. Дѣла въ Польшѣ шли по желанію Россіи. Донесенія нашихъ резидентовъ въ Стамбулѣ представляли Турцію на краю гибели. Однимъ словомъ, война, по мнѣнію рѣшающихъ сферъ, должна была быть легкой, не продолжительной. Несомнѣнный успѣхъ сулилъ возвращеніе земель, уступленныхъ Турціи Петромъ I-мъ послѣ Прутскаго похода, что упрочивало положеніе, затѣвившихъ эту войну иностранцевъ въ Россіи, сглаживалось тяжелое впечатлѣніе потери Кавказскихъ провинцій. Оставалось выжидать только благовиднаго предлога къ войнѣ. Въ маѣ 1735 года, стѣсненная побѣдами Кулыхана, Порта рѣшила отправить на Персидскій театръ войны 70 тысячъ крымскихъ татаръ. Путь ихъ лежалъ черезъ степи, Кабарду и т. д., т. е. черезъ владѣнія Россіи. Подобное обстоятельство, приключившееся два года тому назадъ, не повело бы за собою никакихъ особенныхъ послѣдствій, теперь же доставило удобный случай затѣять съ Портою ссору. Судя по всеѣмъ даннымъ, приготовленія къ походу начались въ Рязанскомъ полку уже въ октябрѣ 1734 года. Онѣ выразились главнымъ образомъ распоряженіемъ о покупке лошадей. Тутъ переходъ отъ мирнаго къ военному положенію, ради экономическихъ причинъ, совершался не сразу, а постепенно. Сначала прибавлено къ штату мирнаго времени 8 лошадей,⁸⁵ затѣмъ еще 6 и т. д.⁸⁶ Приобрѣтеніе конскаго состава возложено было на находящагося съ командою въ Изюмскихъ лѣсахъ капитана Вельяшева и поручика Кривоносова.⁸⁷ Къ подготовительнымъ мѣрамъ долженъ быть такъ же отнесенъ указъ 22-го октября 1734 года, увеличивающій штатъ полка по военному времени на 96 чел. (по 12 чел. на роту) и на 10 лошадей. Численность полка, такимъ образомъ, имѣла составлять 1661 чел. и 162 лошади.⁸⁸ Успѣхъ мобилизаціонныхъ работъ къ 15-му іюня 1735 года опредѣляется слѣдующими цифрами: людей въ полку состояло 1274 чел., лошадей 138. Въ комплектъ, слѣдовательно, надобно было: людей 387, лошадей 24.⁸⁹ Увеличеніе произошло, значить, только въ подъемныхъ средствахъ полка. Дальнѣйшій ходъ приведенія полка на военное положеніе заключался преимущественно въ добавленіи людей въ роты изъ гарнизонныхъ частей г. Воронежа. Изъ рапорта Миниха видно, что къ 1-му января 1736 года въ полку состояло всеѣхъ чиновъ 1375 чел., некомплектъ до

военнаго времени тамъ же обозначенъ въ 190 чел., въ томъ числѣ 3 офицера.⁹⁰ Изъ этого слѣдуетъ, что, почти наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій, у насъ отступили отъ указа 22-го октября, увеличивающаго штатъ полка,—отступили по соображеніямъ можетъ быть финансовымъ, а можетъ быть и за недостаткомъ подготовленныхъ людей въ гарнизонахъ. Кромѣ того, въ полку принимались уничтоженныя болѣе 20 лѣтъ тому назадъ рогатки, учились обращенію съ ними, снабжали солдатъ водоносными флагами, весьма необходимыми въ степномъ походѣ,⁹¹ а съ конца іюня приступили къ вязкѣ фашинь и туровъ, которые свозились къ пристанямъ по Дону и Донцу.⁹²

Въ неизбежности войны, какъ видимъ, сомнѣваться нельзя было. Весь вопросъ заключался только въ томъ,—когда она начнется, и какое участіе примутъ въ ней Рязанцы? Вопросъ этотъ поглощалъ вниманіе всѣхъ, и текущая дѣла обыденной, внутренней жизни полка теряли свое первенствующее значеніе для современниковъ. Для насъ онѣ весьма цѣнны. Недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ возстановить всѣхъ деталей этой жизни, а данные, которые и имѣются, отмѣчаютъ къ несчастью только отрицательныя стороны ея. Но не все же ровная, свѣтлая и по розамъ дорога на продолжительномъ двухлѣтнемъ поприщѣ службы. Встрѣчались и тернія. Такъ, въ этомъ отношеніи, 1735 годъ ознаменовалъ себя грустнымъ событіемъ. Указомъ 30-го іюля командиръ 3 роты капитанъ, Яковъ Челюстинъ за *взятки разжалованъ* въ солдаты и записанъ въ своемъ же полку въ 4 роту.⁹⁴ Отмѣчая самый фактъ, навольно однакожь вспомнимъ неудачную систему новаго полкового хозяйства. Лишившись командира, 3-я рота, спустя нѣсколько дней, хоронила старшаго своего офицера поручика, Никиту Шамшева, умершаго 19-го августа.

Между тѣмъ, приближался къ концу августъ мѣсяць, и на Донъ прибылъ г. Минихъ. Здѣсь онъ получилъ Высочайшій указъ, которымъ отдавалось на его волю—начать ли немедленно осаду Азова, уступленнаго въ 1711 году Турціи Петромъ I-мъ или же отложить это до осени.⁹⁵ Минихъ избралъ послѣднее. Но, желая славы и дешевыхъ лавровъ,—рѣшилъ произвести экспедицію въ

Крымъ частью Украинской арміи. Татары находились въ то время на Кубанской сторонѣ, въ персидскомъ походѣ, что облегчало нанесеніе удара въ самое сердце Крыма. Послѣдствіемъ такого шага, очевидно, была война съ Турціею. Но къ ней то мы и готовились.

1-го октября, отрядъ генерала Леонтьева, составленный преимущественно изъ кавалеріи, отъ рѣки Орель, двинулся въ степи.⁹⁶ Рязанскій полкъ остался въ крѣпости Св. Анны, охраняя границу и выжидая послѣдствій похода. Не долго пришлось ожидать вѣстей. Всего лишь нѣсколько дней. А вѣсти были самыя печальныя. Сначала дожди, потомъ снѣгъ и морозъ въ безлюдныхъ степяхъ заставили уже 16-го октября вернуться обратно русскія войска съ огромными потерями, въ особенности въ лошадяхъ.⁹⁷ Почти половина копницы вернулась пѣшкомъ. Грустное это было начало. Ничего хорошаго въ будущемъ не предвѣщало оно. Обычная татарамъ дерзость, хотя и отъ безкровной побѣды, могла сильно возрасти. Надлежало ожидать въ теченіи зимы съ татарской стороны не одного покушенія на безопасность нашихъ границъ. И пошла на всемъ огромномъ протяженіи Украинской оборонительной линіи усиленная дѣятельность. Болѣе 53 тысячи рабочихъ трудились, укрѣпляя Переволочну и Орель; между Царичежкой и Самарою воздвигались редуты и шанцы; вся линія, раздѣленная на участки, поручена бдительному охраненію войскъ отъ всякихъ непріятельскихъ набѣговъ. По диспозиціи⁹⁸, крайнее лѣвое крыло границы, до самаго Дона, по прежнему оставалось въ введеніи Рязанскаго полка, и неразлучныхъ съ нимъ товарищей по пятилѣтнему степному сидѣнію: Выборгцевъ, Казанцевъ и Азовцевъ. Полки эти составили ядро отряда, предназначеннаго для осады и взятія Азова. Находясь на самомъ рубежѣ, на долю полка выпала честь первымъ открыть военныя дѣйствія, но за то и первымъ принять удары въ особенности, еслибы татары, не дожидаясь весны, явились въ нашихъ предѣлахъ. Въ этихъ видахъ повелѣно было выбрать изъ полка 1000 человекъ, людей самыхъ лучшихъ, здоровыхъ и къ службѣ годныхъ, исключая послѣдняго привола рекрутъ, съ полковою артиллеріею, необходимыми тягостями, при 100 подъемныхъ лошадяхъ, и расположиться къ 4-му декабря въ полной боевой готовности въ крѣпости Св.

Аины, имѣя остальныхъ людей в обозѣ на вивтеръ-квартирахъ.⁸⁹ Такъ сформированный изъ 4 пѣхотныхъ полковъ съ частью драгунъ авангардъ, прикрывался съ фронта храбрыми донскими казаками, которые, на призывъ: отечества въ опасности, забывъ всякія неудовольствія и домашнія передраги молодцами содержали сторожевые посты по р. Дону.

На военномъ положеніи встрѣтили Рязанцы новый 1736 годъ. Съ нимъ наступилъ для полка періодъ военныхъ походовъ, прекратившійся было со смертію перваго Императора Россіи. Вторичному появленію Рязанцевъ на боевомъ поприщѣ теперь соупотствовали: прочно установившаяся со времени Великой Сѣверной войны традиція, а вѣра въ Бога, Покровителя храбрыхъ, вѣра въ успѣхъ, въ необходимость нашего оружія, никогда еще не оставляла русскаго полка. Новое направленіе мирнаго воспитанія въ теченіи какихъ нибудь 3-хъ, 4-хъ лѣтъ наврядъ ли могло пустить глубокіе корни. Да и нѣтъ зла безъ добра. Пребываніе въ степной глуши можетъ быть спасло полкъ не отъ одного увлеченія въ духъ нѣмецкихъ плацъ-парадныхъ порядковъ, сохранило его болѣе свѣжимъ, менѣе муштрованнымъ. Но былъ еще одинъ весьма важный вопросъ, котораго молчаніемъ обойти нельзя было—это вопросъ вышшаго командованія. Тутъ дѣло обстоило не такъ благополучно. Рязанцы состояли въ командѣ г.-л. Григорія Дугласа, при которомъ находились генералъ-маіоры: фонъ Лесли, фонъ Штофель, Магнусъ и фонъ Биронъ.¹⁰⁰ Какъ видимъ, всѣ фамиліи не русскія, мало внушающія довѣрія солдату. Оставалось, такимъ образомъ, завоевать это довѣріе заботами о нуждахъ подчиненныхъ, справедливымъ, ровнымъ къ нимъ отношеніемъ, наконецъ победеніемъ самыхъ начальниковъ на боевомъ полѣ. Въ этомъ лежалъ весь залогъ успѣха. Какъ разрѣшили данный вопросъ иностранцы начальники — доказали быстро наступившія событія.

